

Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным „причинным“ сознанием, все-таки обогащает жизнь: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже. Надо научиться вспоминать сны: всякое утро тотчас после пробуждения следует рассказывать себе сон, молча, и стараясь не двигаться. (Во время сна человек делает определенное количество движений, связанных со сновидением, и всякое движение вслед за пробуждением сдвигает и путает сонную сетку).

Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а „приключения“ — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой пуповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвременье — по счету сонной многомерности. Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием „предсказывают“ и „открывают“ будущее». ³⁴

Вот так, не рассчитывая на поддержку, Ремизов прокладывал в эмиграции свой литературный путь. Творческая биография писателя с очевидностью доказывает, что борьба за жанр «снов» и право на автобиографическую литературу не была бессмысленной. В конечном счете сопротивление, которое не без трудностей преодолевалось в 1925–1926 годах, обеспечило ему ясную перспективу работы над будущими произведениями — автобиографическими романами «Учитель музыки» и «Мышкина дудочка», авторским сонником «Мартын Задека» и, наконец, исследованием литературных «снов» в книге «Огонь вещей», где, обращаясь к наследию Л. Н. Толстого, писатель не забыл рекомендаций, полученных от В. Ф. Булгакова.

³⁴ Воля России. 1926. № 8/9. С. 232–233. Позднее под названием «Сонник» текст рецензии занял место в неопубликованной при жизни писателя книге «Мерлог» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 14. С. 241–243, в комментариях к изданию печатный источник текста не учтен).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-169-177

© М. Ю. Коренева

ОБ ОДНОМ ОТКЛИКЕ НА СМЕРТЬ РАЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ: «РУССКИЙ» ПОСТСКРИПТУМ

Райнер Мария Рильке уже при жизни вошел в канон немецкой литературы, довольно рано «присвоившей» себе этого австрийского поэта, стихи которого с конца 1910-х — начала 1920-х годов включались в немецкие школьные хрестоматии и обсуждались как «учебный материал» на страницах специализированных педагогических журналов.¹ С 1899 по 1925 год было опубликовано более 100 рецензий и свыше 200 статей и монографий, посвященных творчеству Рильке.² Очаровывавший своих читателей поэтическим «одиночеством», до самой своей смерти он был окружен восторженным вниманием многочисленных почитателей и почитательниц, для которых стал настоящим кумиром, что, в свою очередь, вызывало по временам раздражение

¹ Подробнее об этом см.: Fritz B. Rainer Maria Rilkes Leser in Schule und Gesellschaft: Rezeption 1904–1936. Bern, 2009.

² Первый развернутый обзор творчества Рильке был опубликован в 1904 году, а первая диссертация защищена в 1913 году в университете Фрайбурга. См.: Löwenstein S. Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004. S. 29; см. также: Ritzer W. Rainer Maria Rilke Bibliographie. Wien, 1951.

в тогдашней литературной среде,³ порой выливавшееся в иронические комментарии по поводу популярности поэта преимущественно в кругу дам. Именно на этом сделал акцент известный австрийский писатель и влиятельный литературный критик Франц Бляй (Franz Blei, 1871–1942) в своем сатирическом «Литературном бестиарии», в котором имя Рильке дано с женским артиклем (Die Rilke) и вся «характеристика» развернута в сторону «феминности» поэта, уподобляемого автором «комнатной собачонке» — любимице «престарелых дам», «беспреданно превозносящих ее до небес», от чего у той образовалась «склонность засовывать нос в теологические книги, легенды о Марии и тому подобное».⁴ Позднее, в статье на смерть Рильке, опубликованной 7 января 1927 года на первой странице либеральной газеты «Die literarische Welt», Бляй снова вернется к теме дамской благосклонности к поэзии Рильке,⁵ которая не оставляла его в покое и в дальнейшем: в своей автобиографической книге «Рассказ об одной жизни», вышедшей в свет в 1930 году, он дает развернутый «портрет» безвестных читателей Рильке, которых сравнивает с большой церковной общиной, сгруппировавшейся вокруг поэта,⁶ а в 1940 году в «Современных портретах» сочтет необходимым еще раз высказаться по поводу «женственности» Рильке и, словно оправдываясь перед своими критиками (прежде всего перед Робертом Музилом), пояснит, что он имел в виду в своей давней книге и в некрологе,⁷ оставив без комментария собственный укол в адрес Рильке по поводу его «склонности к теологическим книгам», поскольку этот «тезис» даже при иронической подаче не нуждался ни в пояснениях, ни в оправдании: с момента выхода в свет «Часослова» («Stundenbuch», 1905), благожелательно встреченного критикой,⁸ за Рильке на долгие годы закрепились слава поэта религиозного, «богоискателя», как назвал его Стефан Цвейг в своей рецензии,⁹ продолжателя традиций Ангела Силеского и Якоба Бёме,¹⁰ зачинателя «новой мистики»¹¹ и выразителя новой «духовности».¹²

³ Сложившийся культ Рильке вызывал раздражение и впоследствии. Это выразилось, к примеру, в полном отторжении поэта в послевоенную эпоху среди немецких писателей, объединившихся в «Группу 1947», и их сторонников, усилиями которых Рильке на короткое время был предан забвению. См. об этом: Demetz P. Noch einmal: «René Rilkes Prager Jahre» // Rilke: ein europäischer Denker aus Prag / Hrsg. von P. Demetz. Würzburg, 1998. S. 10.

⁴ Bestiarium Literaricum, das ist: Genaue Beschreibung derer Tiere des literarischen Deutschlands, verfertigt von Dr. Peregrin Steinhövel. München, 1920. S. 52. Второе, расширенное издание вышло в свет в 1922 году. Здесь и далее перевод мой. — М. К.

⁵ Blei F. Zu Rainer Maria Rilke // Die literarische Welt. 1927. Jg. 3. 7. Januar. № 15. S. 1.

⁶ Blei F. Erzählung eines Lebens. Leipzig, 1930. S. 449.

⁷ Blei F. Zeitsgenössische Bildnisse. Amsterdam, 1940. S. 265–268.

⁸ Только первому изданию 1905 года было посвящено 15 рецензий. См. их перечень: Fullenwider H. F. Rilke and his Reviewers: an annotated bibliography. Kansas, 1978. S. 31–32.

⁹ Zweig St. Verse eines Gottsuchers // Nation. 1906. 9. Juni. № 36. S. 571–572.

¹⁰ Hoffmann C. Das «Stundenbuch» von Rainer Maria Rilke // Die Zeit. 1906. 11. März. № 1242; Schaukal R. Rainer Maria Rilke // Nord und Süd: eine deutsche Montasschrift. 1908. Februar. Bd 124. № 371. S. 230–237.

¹¹ Scholz W. von. Neue Mystik // Der Tag. 1906. 2. August.

¹² Этот взгляд на Рильке как на религиозного поэта определил и эдизонную концепцию первого собрания его сочинений, которое вышло в свет вскоре после смерти Рильке в издательстве «Insel» (Rilke R. M. Gesammelte Werke: In 6 Bde. Leipzig, 1927). Владелец издательства Антон Киппенберг (Anton Kippenberg, 1874–1950) последовательно исключил из него все, что могло бы хоть как-то исказить возвышенный образ поэта (подробнее об этом см.: Eschenbach G. Ein Kulturautor im Klassikerverlag. Zur frühen Rezeptionsgeschichte Rainer Maria Rilke // Die Präsentation kanonischer Werke um 1900: Semantiken, Praktiken, Materialität / Hrsg. von Ph. Ajouri. Berlin; Boston, 2017. S. 31–42; об истории сложения этого образа Рильке в прижизненной критике см. также: Löwenstein S. Poetik und dichterisches Selbstverständnis. S. 29–32). Впоследствии, в 1950-е годы, вопрос о религиозности Рильке стал предметом бурных дискуссий, за которыми последовал радикальный пересмотр довоенных оценок, проходивший под знаком «демифологизации» творчества Рильке (см.: Sieburg F. Rilke, das Zeitsymptom // Sieburg F. Die Lust am Untergang. Hamburg, 1954. S. 337–356; Boehlich W. Lyrik als Religionsersatz. «Mir zur Feier»: Rainer Maria Rilke // Spiegel. 1956. 28. März. № 13. S. 34–48).

Этот читательский образ «просветленного» поэта присутствовал и в большинстве откликов на смерть Рильке, скончавшегося 29 декабря 1926 года в Швейцарии. Диссонансом на этом фоне прозвучал упоминавшийся выше некролог Бляйя, названный Вальтером Беньямином «плохим и наглым»¹³ и вызвавший ответную реакцию со стороны Роберта Музиля, который, выступая на вечере памяти Рильке 16 января 1927 года в берлинском «Ренессанс-театре», разделался и со своим давним другом Бляйем, и с теми, кто подобно поэту Рудольфу Борхардту (Rudolf Borchardt, 1877–1945), не включившему в свою антологию «Вечный запас немецкой поэзии» («Ewiger Vorrat deutscher Poesie», 1926) ни одного стихотворения Рильке, отказывал поэту в подобающем месте на поэтическом Олимпе, и с теми, кто создавал культ Рильке, искажая само существо его поэзии. Значительную часть своего остро полемического выступления Музиль посвятил «абсолютному совершенству» поэзии Рильке, величие которой заключается, по его мнению, не столько в религиозном чувстве, сколько в «ином зрении»: «Он видел мир новым, нутряным способом. И когда-нибудь на пути, который ведет нас от религиозного мировосприятия средних веков через идеал гуманистической культуры к грядущему образу мира, он явится нам не только великим поэтом, но и великим вожатым».¹⁴ При этом Музиль был не единственным, кто воспользовался печальным поводом, чтобы атаковать культ Рильке и встать на защиту его поэзии. До него это сделал швейцарский поэт и прозаик Роберт Вальзер (Robert Walser, 1878–1956), опубликовавший 4 января 1927 года нарочито безыскусный поэтический некролог, который при ближайшем рассмотрении оказывается своеобразным бурлеском, метившим в поклонников Рильке, досаждавших ему при жизни и оставивших его, наконец, в покое.¹⁵ В этом же ряду стоит и один из откликов, помещенный в газете «Rigasche Rundschau», хотя он и отличается по своемусылу от высказываний Музиля и Вальзера: если оба писателя, каждый по-своему, попытались защитить Рильке от читателей, то рижская газета взялась защищать читателя от Рильке, используя при этом весьма примечательные аргументы.

Эта известная ежедневная газета, выходившая на немецком языке в Риге в 1894–1939 годах и широко распространявшаяся за пределами прибалтийского пространства, устроила литературные похороны Рильке по «первому разряду», если воспользоваться образом Музиля, который в своей речи посетовал на то, что смерть Рильке не стала поводом для национального траура, а все отклики в прессе напоминают похороны «второго разряда» — слишком уж их было мало и слишком уж они терялись на задах газетных полос, считал Музиль.¹⁶ Упрекнуть «Rigasche Rundschau» в невнимании

¹³ Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; общ. ред. и послесловие М. Рыклина. М., 1997. С. 142. Прочитав этот некролог 21 января 1927 года, Беньямин в тот же день взялся писать возражение на него, которое, однако, так и не было доведено им до печати (опубликовано посмертно: Benjamin W. Rainer Maria Rilke und Franz Blei // Benjamin W. Gesammelte Werke: In 7 Bde / Hrsg. von T. Rexroth. Frankfurt a/M., 1972. Bd 4.1. S. 453).

¹⁴ Музиль Р. Речь о Рильке / Пер. А. В. Белобратова // Музиль Р. Малая проза. Избр. произведения: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 314. Речь Музиля произвела глубокое впечатление на слушателей и вызвала широкий отклик в печати: за короткое время было опубликовано 16 статей, посвященных этому событию, а уже 14 февраля 1927 года текст выступления был издан отдельной брошюрой тиражом 2000 экз., из которых к 1938 году было продано 1741 экз. (Robert-Musil-Handbuch / Hrsg. von B. Nübel, N. Ch. Wolf. Berlin; Boston, 2016. S. 385).

¹⁵ Walser R. Rilke // Prager Presse. 1927. 4. Januar. № 3. S. 6. Подробнее об ироническом подтексте этого стихотворения см.: Stierner H. Feuilletonistische Reimereien auf «anspruchsvolle Jungen» und «hochgeschätzte Knaben». Der späte Robert Walser und die hohe Lyrik. Vortrag an der Jahrestagung der Robert Walser-Gesellschaft in Bern, 16. Oktober 2010 (<https://www.robertwalser.ch/fileadmin/redaktion/dokumente/jahrestagungen/vortraege/Stierner-2010.pdf>; дата обращения: 31.10.2020).

¹⁶ Музиль Р. Речь о Рильке. С. 311. В действительности к моменту выступления Музиля только на страницах немецких, австрийских и швейцарских периодических изданий было опубликовано около 50 откликов на смерть Рильке. См. их перечень: Schoolfield G. S. Rilke's last year. Kansas, 1966. P. 48–49. Продолжали они выходить и после берлинского вечера, их количество и разнообразие жанровых форм (стихи, критические этюды, научные статьи и т. п.) явно не соотносились с субъективным ощущением Музиля. Подробнее о реакции на смерть Рильке см.:

к произошедшему событию определенно было нельзя: только за первые несколько дней после смерти Рильке она опубликовала четыре материала, связанных с его кончиной, — ни одно периодическое издание ни в Германии, ни за ее пределами не проявило такого усердия в скорби. Сначала это было короткое известие в разделе «Последние сообщения» в номере от 30 декабря 1926 года.¹⁷ Уже на другой день появился развернутый прочувствованный некролог, подписанный сотрудником газеты Вальтером Фальке, который в полном соответствии с жанром охарактеризовал в общих чертах творчество Рильке, отметив его «религиозность», значимую для многих читателей, представил краткую биографическую канву, не забыв упомянуть поездки поэта в Россию, с которой, как писал Фальке, его связывало «глубинное родство», и, подводя итог жизненного пути Рильке, указал на то, что под конец жизни поэт проникся ненавистью к Германии. «Причины такого трагического поворота в умонастроении более чем очевидны», — замечает автор в финале статьи, прежде чем перейти к последней «формальной» фразе со словами благодарности Рильке, который будет продолжать жить в своих книгах.¹⁸

За этим некрологом, который по своему тону не слишком выбивался из общего потока откликов, хотя и обращал на себя внимание несколько неожиданной концовкой, почти сразу последовал еще один — на сей раз поэтический. В первом номере газеты за 1927 год было помещено восьмистишие Эльфриды Скальберг (Экардт-Скальберг; Elfriede Skalberg (Eckardt-Skalberg), 1884–1964), известной в те годы немецкой поэтессы из Риги и переводчицы латышской поэзии на немецкий язык.¹⁹ Озаглавленное подчеркнуто интимно «Райнер Мария», стихотворение это представляло собой изящный парафраз поэтического «Автопортрета 1906 года» Рильке, написанного «по мотивам» портрета кисти Паулы Модерзон-Беккер (Paula Modersohn-Becker, 1876–1907) и вошедшего в цикл «Новые стихотворения» («Neue Gedichte», 1907). Имя Эльфриды Скальберг было давно знакомо читателям газеты «Rigasche Rundschau», на страницах которой она дебютировала в 1902 году,²⁰ став впоследствии постоянным автором этого издания, где печатались ее стихи, статьи и рецензии на книжные новинки, в том числе и русских авторов, среди которых Скальберг особо выделяла М. А. Волошина, сравнивая его поэзию с поэзией Рильке: «Сочетание „широкой природы“ (в тексте по-русски. — М. К.) русского с изысканнейшей западной культурой стиха и доведенный до совершенства простой, выразительный стиль, какой можно найти только у Рильке, производят пленительное впечатление», — писала Скальберг в развернутой рецензии на сборник Волошина «Демоны глухонемые», вышедший в свет вторым изданием в «Книгоиздательстве писателей в Берлине» в 1923 году, и опубликованные тогда же и там же «Стихи о терроре».²¹ В ноябре 1927 года в Риге пройдут торжества по случаю 25-летия литературной деятельности Скальберг, о которых подробно будет писать прибалтийская немецкоязычная пресса, в том числе и газета «Rigasche Rundschau», поместившая по случаю юбилея очерк жизни и творчества

Pantheil H.-W. 1) Bibliographie zu Rilkes Tod: Erste Stimmen der Freunde, Kritiker und Feuilletonisten aus den Jahren 1926–1928 // Blätter der Rilke-Gesellschaft. 1982. Bd 9. S. 111–127; 2) Poetische Nekrologe zu Rainer Maria Rilkes Tod // Literatur-und-Kritik. 1986. H. 201/202. Februar–März. S. 71–85; 3) Materialien zu Rainer Maria Rilkes Tod: Miscellen zur Rezeption seines Werkes der Jahre 1926–1928. Bonn, 1982.

¹⁷ Rigasche Rundschau. 1926. 30. Dezember. № 294. S. 7.

¹⁸ Falke W. Zum Tod Rainer Maria Rilkes // Rigasche Rundschau. 1926. 31. Dezember. № 295. S. 5.

¹⁹ В 1940-е годы она начнет переводить и с русского на немецкий; в ее переводе выйдут басни И. А. Крылова (1948) и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1947, 1964). В 1949 году Скальберг эмигрировала в Германию. Подробнее о ней см.: Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs / Hrsg. von C. L. Gottzmann, P. Hörner. Berlin; New York, 2007. Bd 1. S. 386–387; Šilde A. Mittlerin zwischen Ost und West. Zum Geburtstag der Dichterin Elfriede Eckardt-Skalberg in Überlingen // Linzgau-Zeitung. 1954. 6. April. № 81.

²⁰ Illustrierte Beilage der Rigaschen Rundschau. 1902. 1. December. № 12. S. 103.

²¹ Eckardt-Skalberg E. Russische Emigrantenlyrik // Rigasche Rundschau. 1924. 7. April. № 81. S. 6.

поэтессы, написанный главным редактором газеты Паулем Шиманом (Paul Schiemann, 1876–1944), известным публицистом, видным латвийским политическим деятелем, депутатом сейма Латвии.²² В этом этюде особо отмечалась роль Скальберг в становлении самобытной немецкой «балтийской поэзии», не зависимой и от «сомнительных гениев Запада и Севера», и от «литературных школ Москвы», где Скальберг провела некоторое время.²³ Публикация именно ее лирического некролога на смерть Рильке была своеобразным знаком высокого почтения к умершему поэту, которому посвятила свои стихи лучшая, как считалось, представительница нового поколения «балтийской литературы», заговорившего, по мнению Пауля Шимана, новым языком и «сделавшего искусство неотъемлемой частью жизни».²⁴ Казалось бы, все «поминальные» жанры были исчерпаны: и короткое информационное сообщение, и классический некролог В. Фальке, и камерный поэтический отклик Скальберг, — все эти приличествующие случаю тексты вполне позволяли больше не возвращаться к теме. И тем не менее через два дня после публикации стихотворения Скальберг, по прошествии недели после смерти Рильке, газета поместила еще один материал, связанный с именем поэта: 5 января 1927 года здесь было опубликовано его «Письмо русскому аристократу», «любезно предоставленное редакции», как сообщалось в преамбуле, собирательницей автографов Мари Штакле (Mary Stakle, 1877 — после 1940).²⁵ Письмо это, написанное Рильке 22 декабря 1900 года и адресованное князю Сергею Ивановичу Шаховскому (1865–1908), сегодня хорошо известно: оно было воспроизведено в 1969 году С. В. Житомирской по оригиналу,²⁶ хранящемуся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки,²⁷ куда поступило в 1948 году от некоего Максимова из Риги, как значится в описи,²⁸ и впоследствии включено в русском переводе в книгу «Рильке и Россия», подготовленную К. М. Азадовским, который в комментарии указал и на первую его публикацию в «Rigasche Rundschau».²⁹ При этом речь идет не просто о первой публикации именно *этого* письма, а о первой и к тому моменту единственной публикации эпистолярного документа, свидетельствующего о прямых личных контактах Рильке с русскими современниками и представленного широкой публике. Большая часть этого послания посвящена разбору пьесы Г. Гауптмана «Михаэль Крамер» («Michael Kramer», 1900), на генеральной репетиции которой в берлинском «Немецком театре» Рильке побывал 19 декабря 1900 года и которая произвела на него неизгладимое впечатление. Русская линия в письме прочерчена лишь пунктиром: Рильке сообщает Шаховскому о своих занятиях, связанных с изучением творчества Александра Иванова, и уже в самом конце пишет о том, что часто думает «о Москве как о своей родине», а затем завершает текст пассажем, написанным на русском языке (с некоторыми ошибками): «Я весьма часто уже думаю по русски, и думы этого рода очень трудно высказываются по немецки, потому что в этом языке нет ничего простого, сердечного, так что молиться с немецкими звуками кажется вовсе нелзя».³⁰ Редакция газеты «Rigasche Rundschau» сочла необходимым предпослать

²² Подробнее о нем см.: *Hattie M. R. Riga et War 1914–1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis*. Marburg, 2014. P. 218–221; *Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs*. Bd 3. S. 1129–1132.

²³ *Schiemann P. Elfriede Skalberg zum 25-jährigen Dichterjubiläum // Rigasche Rundschau*. 1927. 15. November. № 258. S. 5.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Ein Brief R. M. Rilkes an einen russischen Aristokraten // *Rigasche Rundschau*. 1927. 5. Januar. № 3. S. 2. Биографические сведения о Мари Штакле обнаружить не удалось.

²⁶ Письмо Р. М. Рильке к кн. С. И. Шаховскому / Публ. С. В. Житомирской // *Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 240–248.*

²⁷ РГБ. Ф. 218. № 39.6.

²⁸ См.: РГБ. Опись фонда 218 (Отдел рукописей. Собрание). Т. 1 (№№ 7–119). С. 57.

²⁹ Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Изд. подг. К. М. Азадовский. СПб., 2003. С. 359–362.

³⁰ Рильке и Россия. С. 361, 362. В «Rigasche Rundschau» этот фрагмент также воспроизведен по-русски (с немецким переводом), но написание отдельных слов несколько отличается от того, как это дано в публикации С. В. Житомирской.

этой вполне «невинной» публикации пояснение, которое призвано было, по замыслу автора, расширить контекст приводимого здесь частного документа. «Данное письмо, — говорилось в преамбуле, — представляет вне всякого сомнения необычайный интерес в литературно-психологическом плане, причем не только в отношении Рильке, но прежде всего в отношении немецкого литературного мира в целом с его доходящим до национально-патологического мазохизма восторженным увлечением русскими, которое достигло своего апогея уже на рубеже веков и которое продолжает свирепствовать и ныне, почти с той же неослабевающей силой. Рекомендуем нашим читателям, ознакомившись с нашей публикацией, обратиться к чтению вышедшей в издательстве Альберта Лангена книги „Сэр Галахад. Путеводитель по идиотам русской литературы“». ³¹ Далее следовал текст письма.

Рекомендованная книга, имевшая посвящение «твердым основам мира» (*букв.* «хребту мира»), ³² в рекламе не нуждалась: выпущенная в свет в 1925 году огромным тиражом 20 000 экземпляров солидным мюнхенским издательством Альберта Лангена, издававшим среди прочего знаменитый сатирический журнал «Simplicissimus», она сразу же привлекла к себе внимание, вызвав смешанную реакцию — возмущенную в русской эмигрантской печати ³³ и вполне одобрительную в печати немецкой. Одним из тех, кто с энтузиазмом встретил эту книгу, стал, к примеру, известный писатель Карл фон Осецкий (Carl von Ossietzky, 1889–1938), пацифист и лауреат Нобелевской премии мира (1935), умерший позднее от последствий пребывания в концлагере. На страницах лево-либерального еженедельника «Tage-Buch» он опубликовал рецензию, в которой, настоятельно рекомендуя читателям это сочинение, назвал «Путеводитель» «блестяще осуществленной атакой на русскую литературу от Пушкина до Горького и русской сущность от Рюрика до Ленина, на обожествление Толстого и Достоевского за пределами России», а его «составителя» охарактеризовал как «страстный европейский ум, наделенный высоким пафосом и юмором» и сумевший показать, что «Россия — это не судьба, не религия, не образ, но дремотное состояние аморфной массы, с притупленной жизнью тела и невыполосканной душой». ³⁴ «Евангелие от России перестало быть неприкасаемым. Критика началась», — подвел итог Осецкий. ³⁵

Автором «Путеводителя» была известная и популярная в те годы писательница Берта Экштайн-Динер (Bertha Eckstein-Diener, 1874–1948), писавшая под псевдонимом Сэр Галахад и прославившаяся в первую очередь историческими романами, а также очерками по истории культуры. Ее выступление по «русскому вопросу» было скорее неожиданным и выпадало из общего контекста ее творчества уже одним своим обличительным пафосом по отношению к русской культуре, которую она описывала в терминах расовой теории как продукт низшей расы, неспособной произвести ничего

³¹ Ein Brief R. M. Rilkes an einen russischen Aristokraten. S. 2.

³² *Sir Galahad. Idiotenföhler durch die russische Literatur. Gewidmet dem Ruckgrat der Welt.* München, 1925. Название этой книги переводится на русский язык в разных источниках по-разному: «Путеводитель по идиотству русской литературы», «Путеводитель по русской литературе для идиотов», возможен и более свободный вариант «Идиотизм русской литературы: путеводитель». В данной статье отдается предпочтение варианту «Путеводитель по идиотам русской литературы», поскольку автор персонифицирует это «явление» и дает в своей книге галерею портретов русских литературных «идиотов», так же как это делают впоследствии и другие немецкие авторы, подхватившие введенный в оборот Б. Экштайн-Динер сатирический жанр для характеристики отдельных представителей политической и общественной жизни Германии 1960–1990-х годов (Г. М. Энденбергер, Г. Реццори, Йот Эс и др.).

³³ См., например: Вызывающая книга // Руль. 1926. 24 марта. № 1614. Память об этой книге сохранилась надолго: почти четверть века спустя о ней напишет А. И. Ильин в статье «Ненавистники России» (1953), назвав путеводитель «непристойным памфлетом» (Ильин А. И. Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. Париж, 1956. Т. 2. С. 533), и почти тогда же Н. О. Лосский в работе «Характер русского народа» (1957), в которой это сочинение приводится (в ряду других) как пример «бешеной ненависти» к России и «образец того, до какого ослепления доводит ненависть» (Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М., 1991. С. 280–281).

³⁴ Tage-Buch. 1926. 13. März. № 11. S. 432.

³⁵ Ibid.

самостоятельного и зависящей от «мирового еврейства». Подкрепляя свои суждения многочисленными цитатами из разных источников, в том числе и русских (И. В. Киреевского, Н. К. Михайловского, М. А. Бакунина, А. В. Луначарского и др.), что создавало впечатление серьезности представленного «исследования» и осведомленности его автора, Экштайн-Динер дает краткий очерк истории России от варягов до Ленина, и, бегло охарактеризовав тех представителей русской литературы, которыми так гордятся русские (Пушкина, с его «негритянской кровью» и скучнейшим «Евгением Онегиным», «татарина Тургенева», «сатаниста Лермонтова» и т. д.), сосредотачивает свое внимание на фигуре Достоевского, который, как говорится в «Путеводителе», изгнал из литературы «героя» и навязал «идеал идиота», открыв тем самым путь к «мировой травле благодородных людей и благодородства как такового».³⁶ Именно в Достоевском автор видит главного выразителя экспансивного варварского духа, требующего к тому же, чтобы «все стали русскими». Соответствующая цитата из «Дневника писателя 1877 года»,³⁷ опубликованного в томе «Политических сочинений» немецкого собрания сочинений Достоевского,³⁸ вынесена в эпиграф и повторяется затем в тексте в качестве отправной точки для последующего доказательства опасности, исходящей от русской культуры с ее притязаниями на религиозно-духовное главенство и тотальную русификацию Европы, как показывала Экштайн-Динер, опираясь на вырванную из контекста фразу.

Для такой яростной атаки на культурного врага в лице Достоевского у писательницы, не стеснявшейся в выражениях, имелись свои причины и поводы. Одна из причин заключалась в перманентном присутствии Достоевского в немецком культурном пространстве начала XX века,³⁹ которое вызывало раздражение не у одной только Экштайн-Динер,⁴⁰ поводом же, вероятно, стала акция по покупке рукописей

³⁶ *Sir Galahad*. Idiotenführer durch die russische Literatur. S. 132.

³⁷ В статье «Мы в Европе лишь стрючки» Достоевский, обращаясь к русским, писал, что презрение Европы по отношению к русским обусловлено презрением русских к самим себе в угоду Европе и что вернуть к себе уважение можно только одним: «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой. <...> Стать русским значит перестать презирать народ свой» (цит. по: *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: В 2 т. М., 2011. Т. 2 / Комм. А. И. Батюто, А. М. Березкина, В. Е. Ветловской, Е. И. Кийко, Г. В. Степановой, В. А. Туниманова. С. 28).

³⁸ *Dostojewski F. M.* Sämtliche Werke: In 22 Bde / Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkowskis; hrsg. von A. Moeller van der Bruck. München; Leipzig, 1907. Bd 13. Politische Schriften / Mit einer Einleitung von Dmitri Mereschkowski; Übertr. von E. K. Rahsin. S. 223.

³⁹ Помимо известного собрания сочинений Достоевского в 22 томах издательства Пипера, вышедшего в 1906–1919 годах, имелось собрание сочинений в 25 томах, выпущенное в 1921–1922 годах лейпцигским издательством «Insel» (после широкого чествования Достоевского в Германии в связи со 100-летием со дня его рождения в 1921 году), а в 1923 году издательство «Hesse & Becker» приступило к публикации еще одного собрания сочинений в 18 томах, в новых переводах. Кроме того, регулярно печатались отдельные произведения Достоевского: только с января 1926 по сентябрь 1927 года вышло в свет 16 книг Достоевского в разных издательствах Берлина, Лейпцига, Штутгарта, Мюнхена, Вольфенбюттеля при участии разных переводчиков (см.: *Jonas H.* Bibliographie // Osteuropa. 1928. Bd 3. № 5. Februar. S. 398–399), и каждая книга, соответственно, обсуждалась в печати, не говоря уже о десятках исследований, посвященных Достоевскому. «Число антологий, сборников и прочих изданий о Достоевском увеличивается угрожающим образом», — писал в 1923 году известный переводчик произведений русской литературы Артур Лютер в статье «Достоевскому несть конца» (*Luther A.* Dostojewski und kein Ende // *Das literarische Echo*. 1923. H. 17–18. S. 953). Подробнее об этом см.: *Дудкин В. В., Азадовский К. М.* Достоевский в Германии (1846–1921) // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 700–716, 725–727; *Gerigk H.-J.* Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute. Tübingen, 2000.

⁴⁰ См., к примеру, суждение Франца Бляйя в письме к Карлу Шмитту: «...все русское, и в особенности Достоевский, для <...> немцев — большое зло, они бы лучше англазировались, тянулись к свету, а не к сумрачному христианству, Россия вытесняет остатки немецкого духа из умов» (*Blei F.* Briefe an Carl Schmitt 1917–1933 / Hrsg. von A. Reinthal in Zusammenarbeit mit W. Kühnmann. Heidelberg, 1995. S. 64).

Достоевского, приобретенных в Советском Союзе австрийским писателем Рене Фюльп-Миллером (René Fülöp Miller, 1891–1963) в 1923–1924 годах.⁴¹ Событие это широко обсуждалось в немецкой печати,⁴² а в 1925 году в издательстве Пипера уже вышли первые тома архивных материалов из серии «Наследие Достоевского» («Dostojewski-Nachlass»).⁴³ Одним из тех, кто финансировал этот «проект», обошедшийся в 30 000 марок, и помогал организационно его реализовать, был Фридрих Экштайн (Friedrich Eckstein, 1861–1939), известный меценат, президент Венского теософского общества (с 1887 года), друг З. Фрейда и Г. Майринка, знакомый Р. Штейнера, Е. Блаватской, Г. фон Гофманстала, Р. Музиля, К. Крауса, А. Шницлера, Ф. Верфеля и многих других представителей австрийского художественного, литературного и музыкального мира, венская «легенда» и — бывший муж Берты Экштайн-Динер, которая со времен развода находилась с ним в состоянии войны.⁴⁴ Имя Экштайна указано в качестве соиздателя серии, являвшейся, по мнению Берты Экштайн-Динер, не чем иным, как результатом «заговора еврейско-большевистских народных комиссаров», намеренно отправивших рукописи Достоевского на Запад для разложения европейской морали на радость «еврею, который посматривает, потирает руки и смеется».⁴⁵ То обстоятельство, что у писательницы имелись свои сугубо личные мотивы, побудившие ее разделиться с немецким русофильством в целом и со своим бывшим мужем в частности, несомненно, определило стилистический градус ее откровенно расистской, антисемитской книги, но даже если бы все то же самое было высказано в более пристойной, сдержанной манере, это не отменяло бы того факта, что представленный в «Путеводителе» комплекс «идей», созвучный тезисам Гитлера, изложенным им в «Моей борьбе» («Mein Kampf», 1925–1926), воспринимался как вполне конформный и вне национал-социалистического движения задолго до того, как он лег в основу государственной идеологии Германии: Берта Экштайн-Динер отнюдь не принадлежала к числу тех, кто станет активно поддерживать нацистский режим, по поводу которого она высказывалась весьма критически.⁴⁶ Никак не была связана с идейным кругом немецких националистов и либеральная рижская газета «Rigasche Rundschau», которая до самого ухода с поста главного редактора Пауля Шимана в июне 1933 года (по идеологическим причинам) скорее оказывала тихое сопротивление сначала нарождающемуся «народному», а затем «народно-политическому движению» в Германии,⁴⁷ а по отношению к России проявляла дистанцированную сдержанность, хотя и посвящала ей немало материалов по вопросам текущей политики и культуры, позволяя себе в лучшем случае иронические комментарии с соблюдением «языковых приличий». Преамбула к письму Рильке выпадала из этого общего тона и по своему стилю, и по своему послы, плохо сочетавшимися с мемориальным контекстом. И хотя это «введение» было написано от редакции, едва ли его автором был Пауль Шиман. Даже в своей статье «Азиатизация Европы» («Asiatisierung Europas», 1919), опубликованной в Германии, где он, тогда еще российский поддан-

⁴¹ Подробнее об этом см.: Богданова О. А. Какие рукописи Достоевского были в «Piper-Verlag»? // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 2. С. 54–69.

⁴² Deutsche Allgemeine Zeitung. 1922. 23. Februar. № 92; Berliner Tageblatt. 1924. 19. Oktober. № 498; Berliner Tageblatt. 1924. 30. November. № 569; Rigasche Rundschau. 1925. 28. März. № 71; Vossische Zeitung. 1925. 16. August. № 196; Frankfurter Zeitung. 1926. 8. August. № 585, и др.

⁴³ «Dostojewski am Roulette» («Достоевский за рулеткой»), «Die Lebenserinnerungen der Gattin Dostojewskis» («Воспоминания жены Достоевского»), «Tagebuch der Gattin Dostojewskis» («Дневник жены Достоевского»). До 1931 года издательство Пипера выпустило еще пять томов.

⁴⁴ Schmid U. Die Dostojewski-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft / Hrsg. von M. Schult. Flensburg, 2007. Bd 14. S. 49.

⁴⁵ Цит. по: Mulot-Déri S. Sir Galahad. Porträt einer Verschollenen. Frankfurt a/M., 1987. S. 210.

⁴⁶ Ibid. S. 261.

⁴⁷ Kause H. Der publizistische Widerstand Paul Schiemanns gegen den Nationalsozialismus in den deutschen Volksgruppen // Deutsch-Balten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. von M. Garleff. Köln; Weimar; Wien, 2001. Bd 1. S. 197–216.

ный, оказался под конец войны, — даже в этой статье, призванной предостеречь «сделавшийся слепым культурный мир» Европы от русско-азиатского обмана, закутанного «в мантию клочков европейских идей»,⁴⁸ Шиман, при всей полемической заостренности текста, направленного против большевизма, сохранял «стилистический нейтралитет» и не искал обоснования своих тревог в русской литературе, влияние которой на немецкую культуру его, судя по всему, нисколько не смущало: этой теме он посвятит свой доклад на вечере памяти В. Г. Короленко (1853–1921), устроенном по случаю кончины писателя 22 января 1922 года Русскими университетскими курсами в Риге.⁴⁹ Более вероятно, что автором предисловия к письму Рильке был Гвидо Герман Экардт (Guido Hermann Eckardt, 1873–1951), поэт и прозаик, литературный и театральный критик, заведующий отделом культуры «Rigasche Rundschau»,⁵⁰ на страницах которой позднее появится его большая хвалебная рецензия на книгу «Матери и амазонки» («Mütter und Amazonen», 1932) Берты Экштайн-Динер, названной им «блестящей писательницей».⁵¹ Влиятельный журналист, игравший важную роль в тогдашней культурной жизни Риги, выпускник Мюнхенского университета, тесно связанный с литературной «богемой» Мюнхена, он слыл убежденным «западником» и не боялся «порочить всеми уважаемых, знаменитых мужей старого доброго искусства», как напишет о нем Пауль Шиман в упоминавшемся выше очерке, посвященном Эльфриде Скальберг — жене Гвидо Германа Экардта.⁵² Не исключено, что и здесь, как и в случае с Бертой Экштайн-Динер, речь идет о «семейном» обмене репликами, и в подтексте редакционной заметки к письму Рильке содержится «шпилька» в адрес Эльфриды Скальберг с ее русскими связями и явной любовью к Рильке, который впервые после выхода в свет «Часослова» в 1905 году был «идейно» соотнесен с Россией в широком публичном пространстве, за пределами научных исследований, где эта тема уже была обозначена — связь, очевидная сегодня, но не столь очевидная для читателей 1927 года, поскольку рассеянные по разным его текстам русские мотивы не складывались сами собой в единую картину, а личные контакты с Россией пока еще оставались фактом его частной биографии. То, что эта связь в данном конкретном случае преподносилась почти как культурная вина, притом не в виде личного высказывания, а в анонимной, «редакционной» форме, в ерническом стиле, без оглядки на репутацию газеты и явно в расчете на понимание аудитории, свидетельствовало о пресыщении русской культурой и готовности принять образ культурного врага, олицетворением которого виделся Достоевский с его будоражащими сознание нравственно-религиозными темами, впервые сопряженный с Рильке. Это сопряжение двух «симптомов эпохи», довольствовавшейся «поэтической религиозностью», заменявшей «подлинную веру», как скажет впоследствии литературный критик Ф. Зибург в связи с довоенным культом Рильке,⁵³ демонстрировало обостренную культурную тревожность, степень которой была столь велика, что даже смерть поэта не стала «прекрасным поводом», чтобы «загрохотал салют некрологов», как отметил с горечью Музиль в своей речи,⁵⁴ но стала поводом для выражения страха перед угрозой симбиотического слияния на религиозной почве немецкой и русской культур.

⁴⁸ Schieman P. Die Asiatisierung Europas. Gedanken über Klassenkampf und Demokratie / Hrsg. vom Generalsekretariat zum Studium des Bolschewismus. Berlin, 1919. S. 8, 9.

⁴⁹ Русские университетские курсы в Риге (краткий отчет о деятельности). Рига, 1922. С. 6.

⁵⁰ См. о нем: Lukas L. Literary Queer Mésalliances in Riga around 1900 // Queer Stories of Europe / Ed. by K. Vērdiriņš, J. Ozoliņš. Cambridge, 2016. P. 110–111, 119–121; Mattiesen H. Der Anteil der Deutschbalten am Münchener Kulturleben im 19. und am Anfange des 20. Jahrhunderts // Baltische Hefte. 1961. № 1. S. 170–190; H. v. R. Guido Hermann Eckardt [Nekrolog] // Baltische Blätter. 1952. № 1. S. 6; Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Bd 1. S. 380.

⁵¹ Rigasche Rundschau. 1932. 27. Februar. № 46. S. 9.

⁵² Schieman P. Elfriede Skalberg zum 25-jährigen Dichterjubiläum. S. 5.

⁵³ Sieburg F. Rilke, das Zeitsymptom. S. 354.

⁵⁴ Музиль P. Речь о Рильке. С. 314.